

НѢКОТОРЫЯ ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ И НАУЧНЫЯ ТЕНДЕНЦІИ

Говорить было не мало, да ума-разума
не стало.

Русскую литературу зовутъ «единственной» живой струей русской жизни и это пожалуй справедливо; только въ послѣднее время начали кажется просачиваться и другія живыя струйки. Мысль массы, это неуловимое нѣчто, которое по законамъ сопоставленія должно бы назвать «мертвой струей», оказываетъ въ послѣднее время (а можетъ-быть это мы теперь только стали подмѣчать это) тоже нѣкотораго рода жизненные признаки. Такъ между прочимъ ею поднято нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ литература если и занималась, то

во всякомъ случаѣ не удовлетворила требованіямъ массы. Между тѣмъ вопросы эти такъ назойливо, такъ живо затрогиваютъ людей, неотшатнувшихся отъ этой массы, что сонъ у нихъ разгоняютъ, жолчь поднимаютъ, нервныя болѣзни производятъ. Обсуждать эти вопросы хладнокровно почти нѣтъ никакой возможности: отчего явленія жизни русскаго образованнаго общества не только не соотвѣтственны, но подчасъ прямо противоположны явленіямъ русскаго духа? Отчего при всѣми признаваемомъ здоровомъ смыслѣ русскаго человѣка, и вдобавокъ при умѣньи его юмористически, даже саркастически отнестись къ самому себѣ, онъ, этотъ русскій человѣкъ, будучи образованнымъ, беретъ почти всегда за то именно, къ чему наименѣе способенъ? Отчего съ другой стороны при всѣми признанной способности русскаго человѣка къ механикѣ (въ каждомъ уѣздѣ, что я говорю, почти въ каждой волости можно найти болѣе или менѣе развитаго механика-самоучку, дѣйствующаго конечно въ

предѣлахъ своей опытности), Русь не отличается механиками-учеными, не только не выдумала какихъ-нибудь диковинныхъ машинъ, не только не умѣетъ ихъ сработать, но даже увы! и для ростановки готовой уже машины ей нужно выписывать механиковъ изъ-за границы? Отчего несмотря на пословицу «ученье свѣтъ, неученье тьма», русскій необразованный бѣжитъ отъ школы, какъ отъ чумы, матери отправляютъ туда дѣтей «съ велиемъ воплемъ и стенаніями», а дѣти (которыя, полагается, стали по выходѣ людьми образованными) выносятъ оттуда воспоминанія только о томъ, что ихъ дурно кормили, дурно одѣвали, дурно помѣщали, дурно штрафовали, т. е. наказывали розгами и т. п.? Отчего русскій человѣкъ, зная все это и многое другое, а въ томъ числѣ и пословицу «своя рубаха къ тѣлу ближе», ставши образованнымъ и пустясь въ прогрессъ, начинаетъ разрабатывать чуждые элементы, а свои родные, національные оставляетъ въ сторонѣ? Отчего и при разработкѣ чуждыхъ элементовъ даетъ онъ волю фантазіи, а не

придерживается здраваго смысла русскаго, смѣтки русской? Отчего и самая фантазія парить вовсе не по поднебесью, а больше придерживается середины тѣла человѣческаго; въ случаѣ же если повыше подыметя, то подвергается свисту и прочимъ «моднымъ» бѣдствіямъ? Отчего напримѣръ разсужденія о политикѣ сводятся на требованія эмансипировать женщину, уничтожить семью, ввести общественное воспитаніе дѣтей и пр. т. п., а вопросъ о эмансипаціи женщинъ сводится обыкновенно въ концѣ концовъ на половыя отношенія; вопросъ о воспитаніи дѣтей на вопросъ «нужно ли сѣчь дѣтей?» и т. д., и т. д.

Не поискать ли разрѣшенія и этихъ вопросовъ тамъ же, гдѣ отыскались самые вопросы, т. е. въ массѣ. Конечно мы въ ней не найдемъ отвѣтовъ вполне формулированныхъ, ставшихъ ясной, сознанной мыслью; масса русскихъ, тѣхъ русскихъ, въ средѣ которыхъ не привились чуждые элементы, въ средѣ которыхъ сохранился еще русскій духъ, тотъ самый,

что передъ лицомъ литературы и до сихъ поръ

Въ стклянкѣ
Неоткупорень стоитъ.

Эта масса, какъ впрочемъ и всякая другая масса, только чувствуетъ искомые отвѣты, только тяготѣетъ къ нимъ, иначе - въ ней существуютъ только извѣстныя «тенденціи». Какъ показываетъ заглавіе, мы думаемъ представить только «нѣкоторыя педагогическія и научныя тенденціи».

Всѣмъ извѣстно, какъ отнеслась литература къ вопросамъ о воспитаніи; благодаря русской скромности, не позволяющей

Свое сужденіе имѣть,

чисто-педагогическіе журналы (за исключеніемъ разумѣется «Ясной Поляны», гр. Л. Н. Толстого) пробавляются пересадкою нѣмецкихъ

методовъ на русскую почву, а журналы непедагогическіе, благодаря особому свойству прогрессирующей русской фантазіи не только сводили, но и теперь еще сводят педагогическіе вопросы на вопросъ «нужно ли сѣчь дѣтей?» Да и этотъ вопросъ, жалкій и ничтожный въ сравненіи съ другими, порѣшонъ даже покойнымъ Добролюбовымъ какъ-то ужь очень просто: «еще попечитель округа», говоритъ онъ въ статьѣ: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами» о Н. И. Пироговѣ, «а спрашиваетъ какъ его порѣшить! Да приказаль не сѣчь и не будутъ сѣчь.» Всѣмъ извѣстно, что и другіе педагогическіе вопросы порѣшались преимущественно тѣмъ же «кабинетнымъ» способомъ: приказаль, предписаль, далъ програму, далъ инструкцію, далъ образчикъ и баста. А между тѣмъ жизнь шла себѣ потихоньку, да полегоньку впередъ, не заходя въ кабинеты («ясли-де къ коровѣ не ходять»), и ушла-таки очень и очень далеко. Предписанія, програмы и инструкціи, данныя начальствомъ и

публицистами педагогамъ образчики, «по онымъ» составленные педагогами изъ нѣмцевъ или онѣмечившимися русскими, все это при столкновении съ современной жизнью и мыслью массы оказывается или совершенной нелѣпостью или «дѣломъ неподходящимъ», т.-е. негоднымъ ни для русской жизни, ни для русскихъ дѣтей. Правда всѣ твердили, что дѣти вообще вовсе не такъ глупы, какъ съ виду кажется, что напрасно не держутъ при нихъ языкъ на привязи, что они размышляютъ о томъ что при нихъ говорится, что они только своей особой жизнью живутъ, что у нихъ свой особый мірокъ (а слѣдовательно и свое особое міросозерцанье, прибавимъ мы) и т. д. и т. д. А между тѣмъ на практикѣ, т.-е. примѣняя свои воззрѣнія къ дѣлу (разумѣется тоже только на бумагѣ: въ школу-то страшно пойти съ такими примѣненіями; тамъ, чего добраго, просмѣютъ, а нѣтъ такъ еще и побьютъ ребятишки) тѣже лица, какъ видно въ особенности по образчикамъ (которые можно найти вообще въ нѣмецко-русскихъ

педагогическихъ журналахъ, а въ частности въ журналѣ «Мин. Нар. Просвѣщенія», на примѣръ въ статьѣ г. Радонежскаго «Два года занятій на педагогическихъ курсахъ въ Новочеркасской гимназій», декабрь, 1862), дѣтей-школьниковъ третируютъ чуть ли не хуже кретиновъ, задавая имъ на примѣръ при разборѣ «Утопленника» Пушкина (!!!) вопросы въ родѣ: «Видали ли вы воду?» или «можетъ ли течь хлѣбъ?» и т. п. Да тутъ же и учителя «кстати» должно-быть принимаютъ за какую-то пѣшку, съ которой можно всякія колѣна выкидывать. А впрочемъ отчего же при случаѣ покрайней-мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ и не третировать подобнымъ образомъ? отнеслись же многіе изъ нихъ съ полнымъ сочувствіемъ къ тому что въ сущности должно было бы возбудить въ нихъ реакцію. Къ счастью реакція противъ опошленія не замедлила явиться въ массѣ, какъ только эта послѣдняя стала просыпаться отъ своего долговременнаго забытья.

Масса народная давно уже отрицательно отнеслась къ казенной официальной школѣ. Точно также отрицательно относится она и теперь, какъ къ ней, такъ и къ различнымъ «извитіямъ словесъ», имѣющимъ въ виду только подмѣшать новаго вина къ старому, хранящемуся въ старыхъ мѣхахъ, т.-е. сдѣлать богъ-знаетъ что. Протестъ свой противъ существующихъ школъ масса заявила и молча, и словомъ, и печатью.

Молча Русь давно уже заявила свою антипатію къ казенной школѣ. Въ самомъ дѣлѣ большинство грамотнаго простонародья вышло никакъ не изъ приходскихъ и не изъ уѣздныхъ училищъ. Грамотѣи (которыхъ мы различаемъ отъ грамотныхъ, потомучто послѣдніе не пользуются своимъ знаніемъ азбуки) стали грамотѣями подъ руководствомъ частныхъ учителей: какой-нибудь отставной солдатъ, какой-нибудь книжникъ изъ раскольниковъ, какая-нибудь баба-начетчица, - вотъ кто были ихъ наставниками. Они не только бѣгали отъ казенныхъ школъ, гдѣ имъ предоставлено

было это право, но даже платились, напримѣръ въ селеніяхъ государственныхъ имуществъ, лишь бы только ихъ не тащили въ школу. А между тѣмъ любовь къ грамотности есть, охота поучиться уму-разуму забираетъ и молодыхъ и старыхъ, для грамотѣевъ-учителей существуетъ огромная практика! Странна и непонятна казалась при этомъ антипатія къ школѣ. Но теперь можно догадаться о настоящей ея причинѣ: стоитъ только заглянуть въ исторію и статистику воскресныхъ школъ. Когда онѣ только зачинались на Руси, порядокъ въ нихъ былъ такой: нѣсколько учителей приходило, не зная положительно, чѣмъ каждому изъ нихъ придется заняться; приходило и множество учениковъ, положительно знающихъ чтъ каждому изъ нихъ нужно. Одинъ просилъ, чтобы его поучили читать: «я-де совсѣмъ грамотѣ не знаю»; другой говорилъ, что ему надо письму поучиться; третій говорилъ, что и читать и писать умѣетъ, да плохо, лучше бы хотѣлось, такъ хотѣлось бы читать и писать, «чтобы все то-есть понимать какъ

есть»; четвертый просиль поучить счету, пятый просиль объяснить какъ это все на бѣломъ свѣтѣ дѣлается, ну и машины эти разныя, какъ что куда слѣдуетъ, и т. д. и т. д. Учителя собирали вокругъ себя всю эту разнохарактерную толпу и раздѣляли ее на кружки, изъ которыхъ въ каждомъ было по учителю, занимавшемуся тѣмъ чего требовали индивиды, составлявшіе этотъ отдѣльный кружокъ. Узнавъ о такомъ состояніи воскресной школы, народъ двинулся къ ней не то что толпою, а просто массою. Но тутъ-то и пришло добрымъ людямъ на мысль, что не обо всемъ-де слѣдуетъ знать простонародью, да и учителя-то еще пожалуй богъ-знаетъ чего наскажуть, комунизмъ и социализмъ стануть проповѣдывать (какъ-будто въ народѣ нѣтъ ни федосѣевцевъ, ни бѣгуновъ, ни тому подобныхъ безпоповщинцевъ!). Мысль облеклась въ слово, а слово - въ дѣло: воскресныя школы стали регламентировать, опять и для нихъ пошли программы, инструкціи, образчики и т. п. И что же вышло? Народъ отшатнулся и отъ

воскресныхъ школь: еще задолго до ихъ закрытія вмѣсто дозволенія со стороны хозяевъ-ремесленниковъ и т. п. лицъ потребовались приказанія ходить въ школу... Тутъ кажется дѣло ясно и безъ объясненій.

На словахъ Русь тоже давно заявляла свою антипатію къ казенной школѣ. Простонародье, вообще говоря, хотя подчасъ и рѣчисто, но не говорливо, а потому трудно вызвать его на разговоры о воспитаніи, о школѣ и т. п. Да если такой разговоръ и завяжется, то онъ какъ-то пусть, безцвѣтенъ, потомучто народъ какъ-то ужъ очень спокойно относится къ дурному, не разбираетъ какъ и почему оно дурно: дурно, такъ мы мимо пойдёмъ, вотъ и все. Впрочемъ время отъ времени случается, покрайней-мѣрѣ намъ лично нѣсколько разъ случилось попадать на темы о воспитаніи и въ разговорахъ улавливать хотя и скудные намеки на истинныя причины недовольства. Вотъ примѣры. У меня былъ одинъ знакомецъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ,

хорошій семьянинъ, а главное - человѣкъ до того любящій жену и малютокъ, что никогда не могъ съ нимъ разлучиться; вдругъ, уѣзжая въ деревню, онъ говоритъ мнѣ, что ѣдетъ собственно съ цѣлью «оставить тамъ ребятишекъ.» Это меня очень удивило: для чего же ты ихъ тамъ оставишь? «Да такъ, воздухъ здѣсь не хорошъ, знаешь, ишь они какіе зеленые, пуцай тамъ поправятся.» - Ты-бы прежде объ этомъ подумаль, а теперь смотри-ка ужь они подростаютъ, дѣло идетъ къ десяти годамъ, пора ихъ и въ школу отдавать; здѣсь-то (т. е. въ Петербургѣ) все же лучше выучать, чѣмъ въ деревнѣ. «Ну, знаешь, оно еще старуха на двое сказала, гдѣ лучше, либо тутъ, либо тамъ! Что тутъ въ школѣ: тутъ все не по нашему. А тамъ то-ли дѣло: свой лучше научить.» Словомъ сказать, послѣ обычныхъ русскихъ закидокъ и затемнѣній, употребляемыхъ въ разговорѣ «съ бариномъ», дѣло все же выяснилось и можно было догадаться, что ребята оставляются въ деревнѣ, какъ ни больно разстаться и съ ними и съ ихъ

матерью, - оставляются для того, чтобы ихъ поучили тамъ кочующіе учителя или учительницы. Дѣло ясное, что тутъ дорого «свое родное», каково бы оно ни было: «сурово, - не бѣлье, да свое рукодѣлье.» И эта мысль выражается всѣми. «Эй, не шали, Мишутка, въ нѣмца отдамъ!» Мишутка, паренекъ лѣтъ девяти, мгновенно стушевался, хотя за минуту не обращалъ почти никакого вниманія на покрикиванья тятиньки. Это было при мнѣ въ кружкѣ временно-обязанныхъ крестьянъ и всякаго люда изъ простонародья. Я удивился мгновенному дѣйствию магическихъ словъ на малютку, да ктому же признаться и не понималъ ихъ смысла, въ чемъ откровенно и громко сознался. И боже-мой какой смѣхъ поднялся вокругъ меня: «А еще самага въ нѣмца отдавали, - трунилъ одинъ - оттого-то онъ и порасейски мало понимаетъ», подтрунивалъ другой, и т. д. Наконецъ всѣ эти возгласы, смѣхъ, шутки и проч. окончились тѣмъ, что мнѣ разъяснили значеніе магическихъ словъ: «отдать въ нѣмца», значить отдать въ школу.

Не такъ односторонне и не такъ узко разсуждаютъ о школѣ купечество и ремесленники, т. е. тотъ же народъ, только немножко поразвитѣе, порѣчистѣе, и что главное - поговорливѣе. Если только есть дѣти въ семьѣ купца, ремесленника, вообще челоѣка, принадлежащаго къ такъ-называемому городскому сословію, то, придя къ нему въ домъ, вы можете быть вполне увѣрены, что онъ непременно заговоритъ съ вами о воспитаніи. Здѣсь также замѣтна совершенная антипатія къ казенной школѣ, но здѣсь уже разсуждаютъ, пускаются вглубь, критикуютъ, объясняютъ причины антипатіи и т. п. Конечно и здѣсь ушли не далеко: изъ круга предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназій, городское сословіе, говоря вообще, знакомо только съ грамотой, потребность которой имъ давно вполне сознана, да съ религіей, въ которой впрочемъ большинство лучшихъ изъ нихъ достигло только такъ-сказать сократовскаго совершенства, т. е. знаютъ, что они въ ней ничего не знаютъ. Толкуютъ однако и не

объ однихъ этихъ предметахъ, разумѣется на первомъ планѣ выставляя все-таки ихъ. Разговорясь съ ними, вы всегда почти услышите отъ нихъ сѣтованія на то, что въ гимназіяхъ учатъ «этой поганой латыни» (она у нихъ какъ-то чуть ли не тождественна съ католицизмомъ), а на новые языки мало обращаютъ вниманія, «а они-то бы по комерціи нужнѣе были». Потомъ услышите сѣтованія объ излишествѣ наукъ въ гимназіи, причемъ въ особенности опалѣ подвергаются науки, имѣющія въ виду иностранныя земли. Понятно, что такое негодованіе противъ нихъ возбуждено нелѣпымъ и ни къ чему не ведущимъ преподаваніемъ; при хорошемъ, практичномъ методѣ преподаванія эти науки тоже оказались бы «по комерціи нужными». Что тутъ дѣйствительно виновато преподаваніе, а не наука, лучше всего доказывается математикой, въ которой тоже не видать пользы: «учился, учился, а чему выучился: я скорѣй его на счетахъ расчетъ подведу» и на этомъ основаніи большинствомъ

отвергается... алгебра и геометрія! Зато физику любятъ: «наука занятная». Наконецъ безъ сомнѣнія всего болѣе наслушаетесь вы о нравственности и религіи. Еще недавно одинъ знакомый купецъ взялъ сына изъ гимназіи, потомучто «совсѣмъ отъ рукъ отбился: фанаберіи эти понабралъ себѣ въ голову; мы вишь съ матерью дураки теперь стали: ни спать, ни ѣсть не умѣемъ, ни слова путнаго сказать, ну, все не такъ, да не такъ. А спроситка чему выучился: только и умѣетъ отъ храма божьяго отлынять, да родителей осудить». Жалобы эти слышны ото всѣхъ. Такъ другой купецъ, собираясь сына отдать въ школу, сильно задумывался отдавать ли его въ гимназію. Сынокъ, лѣтъ одиннадцати, былъ уже отданъ въ маленькій частный пансіонъ, но не знаю по какому случаю занятія тамъ прекратились. А пансіонъ, какъ видно, очень полюбился тятинькѣ. «Что толку въ гимназіяхъ, говорилъ онъ, учать-учать, мучать-мучать, а къ чему все это? Ну кчему мнѣ, что онъ латынь эту поганую, прости господи, учить станеть? То

ли дѣло, какъ онъ у меня къ мадамъ тутъ былъ отданъ: придетъ къ тебѣ на праздникъ и раскажетъ какъ это и къ чему празднуется; за столъ сядетъ - онъ тебѣ раскажетъ и соль откуда берется, и все такое. А въ гимназіи что? шалдыберничать только научится. Въ барѣ тоже полѣзетъ: Бога нѣтъ, родителей почитать не надо... Боязно въ гимназію-то мнѣ его отдавать». И въ самомъ дѣлѣ немножко рѣзко, немножко односторонне высказаны эти мысли, но въ сущности онъ справедливы. Мы сами видали, какъ нѣкоторые гимназисты, выпросивши (и это было неразъ) денегъ въ одномъ домѣ, тотчасъ же переходили черезъ дорогу въ другой и тамъ въ кабакъ или въ иномъ неподобающемъ мѣстѣ истрачивали ихъ совершенно несообразно ни съ лѣтами, ни съ нравственнымъ достоинствомъ. Съ другой стороны кому не извѣстно, что всегда является страшная, разъядающая разрозненность между человѣкомъ поучившимся въ школѣ и необразованной семьей. Такіе люди, принадлежащіе

не только къ этимъ семьямъ, а даже и къ семьямъ полуобразованнаго чиновничества, испытываютъ, говорятъ, ужасныя внутреннія муки. Но сказываютъ, что истинно и глубоко образованные люди этого не испытываютъ, слѣдовательно есть что-то въ нашихъ школахъ, чтъ препятствуетъ нормальному ходу развитія.

Печатно Русь, какъ извѣстно, заявила свое недовольство только недавно, но зато отъ самого сердца, отъ Москвы¹: не потому ли уже, что изъ сердца происходятъ помышленія злыя, лжесвидѣтельства, татьбы, хулы и пр.? Правы ли московскіе купцы въ своихъ претензіяхъ, дѣло ли они затѣваютъ отдать школы въ завѣдываніе духовнымъ - рѣшить эти вопросы не мудрость какая. Очевидно, купцы замѣтивъ явленіе, дѣйствительно имѣющее мѣсто, объяснить его фактически не сумѣли, а порѣшили дѣло не задумавшись, на манеръ «тяпъ да ляпъ и корабь». Явленіе, замѣченное ими, поражаетъ не однихъ

¹ Многіе увѣряютъ впрочемъ, что московскіе купцы никогда и не думали заявлять подобнаго мнѣнія и что все это была газетная утка.
Пр. Ред.

только ихъ, а и всѣхъ насъ; это разрозненность съ жизнью и со средою въ тѣхъ, кто поучился въ школь; громадный недостатокъ нашихъ школь, тотъ, что онѣ вовсе не для жизни готовятъ, а богъ-знаетъ для чего. Купцы порѣшили, что разрозненность является вслѣдствіе недостаточности нравственнаго и религіознаго воспитанія; мы, знающіе дѣло ближе и могущіе фактически судить о немъ, можемъ положительно сказать, что явленіе зависитъ отъ недостаточности развитія вообще (хотя вмѣстѣ съ ними готовы требовать улучшеній въ воспитаніи вообще и въ обученіи религіи въ особенности). Человѣкъ недоразвитый, человѣкъ нахватавшійся вершковъ, какъ обыкновенно и выходитъ изъ нашихъ гимназій огромнѣйшее большинство, никогда не будетъ пригоднымъ къ жизни и всегда будетъ въ тягость каждому.

Человѣкъ, развитый въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, будетъ «человѣкомъ» развитымъ односторонне, потому что и то и другое развитіе есть

собственно развитіе сердца; умъ, если и развивается при этомъ, то развивается не самостоятельно, а при посредствѣ сердца, при инициативѣ сердца, подъ властью сердца. Такой человекъ, дойдя до предѣловъ своего развитія, конечно не сдѣлается дѣятелемъ полезнымъ для общества, ÷ скорѣе всего ударится въ аскетизмъ, и слѣдовательно сдѣлается совершенно чуждымъ обществу, какъ и бывали тому примѣры; но все же, пока онъ не дошолъ до крайности, пока онъ не сказалъ отцу:

Прощай!
Не злобствуй на мои печали
И денегъ мнѣ не припасай;
Промаюсь помысломъ не шумнымъ,
Да подаяніемъ мірскимъ...

до тѣхъ поръ онъ безъ сомнѣнія стерпимѣ всякаго верхогляда.

Дѣло ясно, и потому купцы пожалуй правы со своей точки зрѣнія, когда заявляютъ желаніе вручить завѣдываніе

школой духовному лицу. Но мы, люди мірскіе, не видимъ въ этомъ особеннаго блага, какъ и во всякой другой односторонности. Мы не намѣрены ни хвалить, ни осуждать купцовъ за ихъ протестъ: пусть всякій думаетъ и судить посвоему, лишь бы только думаль, да судиль, а тѣ къ кому относится дѣло разьяснили бы его. Съ своей стороны, мы думаемъ только воспользоваться ихъ протестомъ, какъ печатнымъ свидѣтельствомъ того, что дѣйствительно въ народѣ есть недовольство школой и что дѣйствительно существуютъ въ немъ «нѣкоторыя педагогическія и научныя тенденціи»; съ помощью этого протеста легче вывести на свѣтъ эти тенденціи.

Мы укажемъ только четыре тенденціи:

Вопервыхъ народъ ненавидитъ всякаго рода регламентацію школы, а въ особенности распредѣленіе времени и предметовъ занятій, программъ и образчиковъ и т. п.

Регламентація дѣйствительно губитъ школы и заграницей, а у насъ онѣ и

подавно должны отъ нея гибнуть. Всѣмъ извѣстна распущенность русской природы. Русскій никакъ не можетъ подчинить себя такому строгому порядку, никакъ не можетъ вдатся въ такую формалистику, какъ на примѣръ нѣмецъ, онъ напротивъ гораздо охотнѣе занимается именно тѣмъ, чѣмъ по порядку вовсе не слѣдовало бы заниматься, онъ эту ненависть къ распредѣленію времени выражаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ и въ особенности когда отдаетъ дѣтей «въ ученье» какому-нибудь частному учителю: тутъ онъ непременно при разговорѣ о платѣ, въ случаѣ вопроса за часовой урокъ, скажетъ: «да что мнѣ въ твоихъ часахъ, приходи насколько хочешь и когда хочешь, а плату получай за выучку.» Диво ли, что назначеніе часовъ и распредѣленіе занятій совсѣмъ его обезкураживаютъ? Съ другой стороны програмы и образчики, точно также какъ и балы, награды и наказанія за успѣхи, экзамены и т. п. совершенно излишни: плохому ученику, равно какъ и плохому учителю, все это не въ помощь, а

хорошаго все это стѣсняетъ и обезкураживаетъ. Воскресныя школы нравились народу именно тѣмъ, что онъ могъ ходить туда въ свободное время и встрѣчалъ тамъ учителей, пришедшихъ не по обязанности, ничѣмъ не стѣсненныхъ, и что главное, подлежащихъ его избранію, - къ которому хочу, къ тому и пойду. Какъ устроить школы повсюду такъ, чтобы онѣ удовлетворяли тенденціи, объ этомъ не время говорить, когда рѣчь идетъ о самой тенденціи.

Вовторыхъ народъ самъ хочетъ завѣдывать воспитаніемъ и образованіемъ, отвергая тѣмъ самымъ казенное начальство школы и учителей, назначенныхъ по дипломамъ; онъ предпочитаетъ имъ начальство и учителей, выбранныхъ самимъ народомъ изъ числа людей, извѣстныхъ ему за образованныхъ.

Выборное начало такъ глубоко вкоренено въ русскомъ человѣкѣ, что не диво, если желательно примѣненіе его и къ педагогическому міру. Что на первый разъ народъ обратился къ духовенству, какъ и

показываетъ протестъ московскихъ купцовъ, - это очень естественно, также естественно какъ и то, что не удовлетворяютъ его вполнѣ выбранныя имъ лица и что онъ на нихъ недолго остановится. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время народъ пока только одному духовенству довѣряетъ изъ образованныхъ: оно возрастаетъ въ его средѣ, оно знакомо со всѣми его свѣчами и обычаями, оно только и отличается отъ него тѣмъ, что пообразованнѣе, - такъ покрайней-мѣрѣ теперь думаетъ народъ. Быть-можетъ скоро онъ иначе пойметъ это же самое духовенство, быть-можетъ онъ при его же помощи догадается, что и оно своимъ образованіемъ разрознено съ нимъ; быть можетъ онъ смѣкнетъ, что это оно комплектуетъ полчища нелюбимаго имъ чиновничества, которое въ большинствѣ и выродилось изъ него, и т. д. Но все это быть-можетъ, а въ настоящее время этого нѣтъ, и потому намъ нисколько не удивительно, что и болѣе развитые представители народа, купцы, обращаются

къ духовенству. Въ барахъ народъ издавна привыкъ видѣть своихъ недруговъ, а образованность у насъ, какъ на зло, выражается именно тѣмъ, что глядишь человѣкъ «въ баре полѣзеть», а потому и не диво, что народъ отшатывается отъ тѣхъ, которые отшатнулись отъ него, да вдобавокъ и не знаютъ какъ снова къ нему вернуться.

Втретьихъ народъ требуетъ, чтобы школа готовила людей для жизни.

Русскій человѣкъ всегда видитъ въ образованномъ разрозненность съ жизнью, но не всегда на нее негодуетъ. Онъ не жалуется на то, что сынъ вора не сталъ воровать, сынъ плута не сталъ мошенничать и т. д., нѣтъ, онъ напротивъ говоритъ при этомъ: «вотъ оно что, наука-то: подлинно, что ученье свѣтъ, неученье тьма.» Тогда только онъ негодуетъ и ропщетъ на образованность, когда въ проявленіяхъ ея видитъ ея несостоятельность. Намъ не разъ удавалось слышать возгласы вродѣ: «не кощунствуй при мнѣ, говорю тебѣ: при мнѣ не кощунствуй! Поди къ своей братии-

шелопаямъ и болтай тамъ что хочешь, а при мнѣ не моги: голову сорву! Ты этимъ меня оскорбляешь!» Воля ваша, намъ въ подобныхъ возгласахъ слышалось не одно ханжество: мы ясно отличали здѣсь требованіе уваженія къ своимъ убѣжденіямъ, въ «братѣ-шелопаяхъ» намъ чудилось и уваженіе къ чужимъ убѣжденіямъ; намъ думалось всегда, что при этихъ случаяхъ разрозненность замѣчается не въ различіи мнѣній образованнаго и необразованнаго, а въ неумѣннн образованнаго отнестись къ необразованному... Точно тоже замѣчали мы и въ тысячи другихъ случаевъ, напримѣръ когда неучь-отецъ говоритъ образованному сыну: «а мнѣ чортъ съ тобой и съ твоей образованностью, когда ты меня уважить не хочешь», замѣтьте это многозначенательное «уважить» вмѣсто уважать, или «ты меня обзываешь грабителемъ безчестнымъ, а родительскія награбленныя деньги транжирить - развѣ честно?» или «да что ты все меня коришь, что я не понимаю да не понимаю; да ты-то

меня пойми, меня-то пойми» и проч. и проч.

Наконецъ вчетвертыхъ, на науку народъ смотритъ какъ на навыкъ (что впрочемъ видно и по словопроизводству).

Эта тенденція показываетъ явное присутствіе здраваго смысла и совершенно совпадаетъ съ идеями, проповѣдуемыми въ послѣднее время лучшими педагогами. Дѣло школы приготовить для жизни; она должна иметь въ виду не передачу науки для науки (это - нелѣпость, выдуманная досужествомъ, и совершенно соответствующая «искусству для искусства»), а примѣненіе науки къ жизни: наука школьная должна сообщать только тѣ факты и познанія, которыя ведутъ къ осмысленію жизни и ея обстановки; она должна преподаваться такъ, чтобы самое преподаваніе благотѣтельно дѣйствовало на развитіе способностей и приучало къ самодѣятельности.

Развитіе каждой изъ этихъ тенденцій можетъ служить темою для обширной статьи. Мы ограничились только

поверхностными замѣчаніями о здравости ихъ, - мы только заявили объ ихъ существованіи. Но и это, смѣемъ надѣяться, не маловажный шагъ на пути къ разрѣшенію выставленныхъ въ началѣ статьи вопросовъ; стоитъ только помнить многосмысленное изрѣченіе Кузьмы Пруткова «смотри всегда въ корень». Въ самомъ дѣлѣ, руководясь этимъ незабвеннымъ правиломъ, мы увидимъ, что и разрозненность русскаго образованнаго общества съ чистой русью, и неумѣнье образованнаго русскаго человѣка взяться за «дѣло подходящее» ему, и немногочисленность ученыхъ механиковъ, и отвращеніе къ школѣ съ ея обстановкою, и нелѣпость воспоминаній о ней, и служеніе «богамъ инымъ», и незнаніе русскихъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ тенденцій и проч. и проч., все это зависитъ отъ того, что русское образованіе не проникнуто русскимъ духомъ, т.-е. если угодно оттого, что русское образованное общество только цивилизованное, т.-е. воспринявшее чуждые

элементы, а не истинно-образованное общество.

ИГДЕВЪ
